

Кроме того, из зарубежных авторов выделяется известный французский химик Ж. Гей-Люссак. На страницах «Горного журнала» было опубликовано семь его статей.

Подводя итог, можем отметить, что рассмотренный в самых общих чертах Указатель является важным источником историко-библиографической информации. Он незаменим для исследователей, занимающихся изучением истории функционирования и деятельности одного из главных научно-технических периодических изданий императорской России – «Горного журнала».

В перспективе не меньший интерес представляет изучение более поздних указателей статей «Горного журнала».

Алеврас Н. Н., Хамитова К. М. Библиографический указатель как источник для создания базы данных о диссертациях историков, защищенных в ЛГУ (ЛЮЛГУ) в 1934–1954 гг. Из опыта анализа библиографической информации // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2020. № 2. С. 136–143.

Аносов П. П. О булатах // *Горн. журнал*. 1841. № 2. С. 1–168.

Белоглазов И. Н., Кен Н. А., Воробьев А. Г. На пользу Отечеству. М.: Изд. дом «Руда и металлы», 2000.

Неклюдов Е. Г. «Горный журнал» в 1825 г.: начало истории издания // *Горн. журнал*. 2022. № 3. С. 82–88.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 44. Штаб корпуса горных инженеров.

Тихонов Б. В. Официальные журналы второй половины 20-х – 50-х годов XIX в. // *Проблемы источниковедения*. Вып. 7. М., 1959. С. 150–203.

Указатель статей Горного журнала с 1825 по 1849 год, состоящий из систематического указателя статей и алфавитного указателя авторов / сост. Роман Кемпиньски. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850.

Фаерман Е. М. Развитие отечественной горной науки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Эймонтова Р. Г. Пути и задачи исторической библиографии // *История СССР*. 1973. № 5. С. 180–189.

УДК 930.23+94(47):338.24.021.8

В. Л. Берсенева
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

История экономики как часть общей экономической теории довольно часто подменяется «историями об экономике». Между тем миссия историко-экономической науки заключается, по Дж. Н. Кейнсу, не только в том, чтобы иллюстрировать какие-либо концептуальные положения, но и пред-

лагать основания для критики уже известных доктрин и способствовать разработке новых экономических теорий. В частности, на основе большого массива исторических материалов в свое время удалось построить вербально-графическую модель экономической (хозяйственной) реформы. В свою очередь, выявление моментов игнорирования содержательной стороны отдельных элементов модели в процессе реализации преобразований в 1990-е гг. позволило предоставить историческое объяснение неуспеха современной экономической реформы в России. Также с помощью обращения к историческим материалам был разработан алгоритм институционализации, то есть закрепления сложившихся социальных связей в нормах, правилах и соответствующих механизмах. Этот алгоритм предполагает, что процесс превращения каких-либо отношений в институты должен включать в себя четыре этапа: хабиутализации, типизации, объективации и легитимации. Соответственно, несоблюдение очередности этапов (попытка механического перенесения институтов рыночной экономики в российские реалии 1990-х гг.) привело к появлению многочисленных институциональных ловушек, также обусловивших неоднозначные результаты современной экономической реформы в России. Иными словами, история может взаимодействовать с экономической политикой даже столь нетривиальным образом.

Ключевые слова: история экономики, экономическая теория, теория экономических реформ, история аграрных реформ, современная экономическая реформа в России, институционализация, институциональная ловушка.

Фраза «*Historia est magistra vitae*» настолько распространена как среди профессионалов-историков, так и в кругах любителей краеведения, что не всегда ясно, что же понимается под категорией «история». Между прочим, любая охотничья или рыбацкая байка – тоже история, однако базирующаяся преимущественно на фантазиях рассказывающего, хотя она и может быть подкреплена какими-либо вещественными доказательствами. Истории в жанре публицистики могут иметь в основе своей более значимую источниковую базу, что не исключает авторских допущений и предположений, не всегда согласующихся с действительностью. То же самое можно сказать и о мемуаристике, добавив, что человеческая память несовершенна, и воспоминания порой соответствуют реалиям прошлого лишь с той или иной степенью условности. Только история как наука представляет собой в первую очередь не рассказ о чем-то, а процесс выявления, систематизации и анализа самых разнообразных источников, на основе чего делаются соответствующие выводы исторического характера.

В таком случае дидактическая и воспитательная миссии истории воспринимаются каждой из целевых аудиторий настолько своеобразно, что обобщающая характеристика «наставницы жизни» ока-

зывается невозможной. То же самое можно сказать и применительно к истории как науке. История вообще – не более чем абстракция, а в научном плане она предстает в вариантах истории политической, истории культуры, истории науки, в том числе истории экономики и т. д., интеллектуальной истории и в иных ипостасях. Соответственно, в рамках специализации каждое из направлений исторической мысли будет обладать собственной миссией и решать свои специфические задачи.

Историко-экономической науке в этом отношении повезло, поскольку ее целевое предназначение давно уже не является предметом дискуссий. Еще в 1890 г. кембриджский профессор Дж. Н. Кейнс (отец знаменитого Дж. М. Кейнса) опубликовал монографию «Предмет и метод политической экономии», посвятив в ней главу IX «On political economy and economic history» обоснованию триединой задачи истории экономики. По его мнению, обращение к историческим материалам:

- позволяет иллюстрировать экономические теории («economic theories illustrated by history»);
- дает основания для критики экономических теорий («economic theories criticized by history»);
- служит поводом для разработки новых экономических теорий («economic theories established by history») [Keynes, 1999, pp. 122, 125].

Только учет этих установок и следование возникающим при этом требованиям позволяет отделить историю экономики как науки от «историй об экономике», являющихся уделом публицистов и краеведов. В свою очередь, обращение к каким-либо аспектам развития мировой, национальной, региональной и муниципальной экономики в ретроспективе может предоставлять аргументы для оценки тех или иных политических решений в настоящем.

Актуальность идей Дж. Н. Кейнса, высказанных более 130 лет назад, подтверждается возможностями историко-экономического анализа, в том числе и в ситуациях, когда политика и связанная с ней хозяйственная практика начинают доминировать над ранее общепризнанными теориями и даже отрицать их значимость. Примером тому могут послужить результаты одного исследования, осуществленного в первой половине 1990-х гг., в условиях кардинальной смены доктринальных установок в отечественной экономической (и не только) науке.

В отличие от большинства ученых-экономистов из высшей школы, воспринявших начало рыночных преобразований не критично, специалисты из институтов Российской академии наук экономического профиля сразу же поставили под сомнение концептуальную базу, методы и ход реализации начавшейся реформы. Достаточно напомнить, как сотрудники Института экономики РАН во главе с ака-

демиком Л. И. Абалкиным выступали с соответствующими аналитическими докладами [Социально-экономическая ситуация..., 1994], посвящали специализированные разделы ведомственного журнала «Вопросы экономики» рассмотрению как общих вопросов, так и отдельных аспектов реформирования российской экономики (см. № 3, 4 за 1993 г., № 3, 4, 12 за 1994 г. и др.) и т. д.

Институт экономики Уральского отделения РАН занимал аналогичную позицию. При этом в рамках критического анализа преобразований возникла необходимость не просто уточнить категориальный аппарат, но и по-новому раскрыть содержание элементов, образующих в совокупности научное представление об экономической реформе. Для этого было решено использовать исторические материалы, в частности, связанные с реформированием аграрных отношений в России.

Оказалось, что история Российской империи – СССР – Российской Федерации вбирает в себя восемь крупных аграрных реформ, начиная от отмены крепостного права в 1861 г. и до отраслевых аспектов современной экономической реформы, начатой в 1992 г. Вместе с тем несомненным плюсом при проведении исследования выступало то обстоятельство, что основные источники по теме – нормативные акты и отчетные документы по отдельным направлениям преобразований – были опубликованы в официальных изданиях и доступны для анализа.

Впрочем, архивные и публицистические материалы, использованные в ходе препарирования содержательной стороны преобразований, также существенно дополнили информационное поле исследования. В результате было установлено, что экономическая (хозяйственная) реформа характеризуется набором следующих элементов:

1. Целевая установка – краткое определение изменений в социально-экономической и политической организации общества, достижение которых предполагается в результате осуществления реформы.

2. Концепция реформы – набор научно-обоснованных принципов: а) реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности; б) изменения места и функций отдельных его элементов; в) соответствующей перестройки органов государственной власти и управления.

3. Объект реформирования – составляющие механизм регулирования экономических процессов институциональные нормы и правила, а также представляющие их субъекты хозяйственной деятельности, которые подлежат замене в процессе реализации реформы.

4. Нормативная база преобразований – комплекс правовых актов, юридически закрепляющих нормы и правила реорганизации системы

экономических и социальных институтов, образующих механизм регулирования хозяйственной деятельности.

5. Механизм реализации реформы – набор органов власти и управления, а также политических и общественных организаций, законодательно ориентированных на осуществление предполагаемых преобразований [Берсенёв, 1994, с. 23–24].

Соответственно, под экономической (хозяйственной) реформой было принято понимать совокупность мероприятий, осуществляемых центральной властью с целью преодоления назревших социально-экономических противоречий посредством замены утратившего эффективность механизма регулирования экономических процессов другим [Татаркин, Берсенёв, 2004, с. 381].

Обращение именно к аграрным реформам позволило также выявить иерархию объектов преобразований в обобщенном виде. Крестьянская реформа 1861 г., аграрная реформа П. А. Столыпина и революционное решение земельного вопроса в 1917–1919 гг. были направлены на изменение отношений собственности на средства производства, в первую очередь – на землю. Коллективизация сельского хозяйства СССР (1929–1937 гг.) преследовала цель коренным образом изменить формы организации производства. Политика модернизации сельского хозяйства СССР в 1953–1964 гг., аграрный вариант так называемой «новой хозяйственной реформы» 1965 г. и реформа управления агропромышленным комплексом СССР в 1980-е гг. меняли методы регулирования экономических процессов в отрасли. Наконец, современная аграрная реформа, начавшаяся в 1990-е гг., примерно в равной мере была нацелена на все три объекта преобразований [Берсенёв, 1994, с. 118].

Отсюда применительно к преобразованиям 1990-х гг. в целом минимальной критике в ИЭ УрО РАН подвергались только целевая установка и объекты реформирования, поскольку хозяйственный механизм отечественной экономики объективно нуждался в кардинальной перестройке. Концепция реформы (востребованность доктрины монетаризма в условиях высокой инфляции выглядела абсурдно [Берсенёв, 2018]), нормативная база, представленная в основном подзаконными актами и оперативными решениями ряда министерств и ведомств, и институционально слабый механизм реализации воспринимались как причины общего неуспеха преобразований в том виде, как они замыслились.

На институциональную слабость «правительства реформаторов» указывал даже идейный единомышленник Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса, первый заместитель руководителя Рабочего центра экономи-

ческих реформ при Совмине РФ А. Илларионов [Илларионов, 1993]. Сами реформаторы, находясь в плену квазиромантических иллюзий («Свободный рынок рождает свободных людей» и др.) стремились просто перенести в российские реалии институты рыночной экономики, прошедшие длительный период «взрачивания» в совершенно иных условиях. Разумеется, у критиков подхода к преобразованиям, получившего общее определение «шоковая терапия», возникла необходимость определения контуров процесса институционализации норм, механизмов и прочих инструментов современной экономической реформы.

Очевидно, что сам процесс институционализации, то есть превращения каких-либо отношений в институты, отличается продолжительностью и предполагает наличие некоторых этапов. Содержание этих этапов будет отражать изменения в восприятии институционализируемых явлений и закреплении их трактовок в индивидуальном и общественном сознании. Относительно числа этапов институционализации не существует единого мнения. Выделяют от двух [Бергман, Лукман, 1995, с. 90–91, 92] до семи [Князев] и более шагов на пути закрепления сложившихся социально-экономических связей и отношений в нормах, правилах, механизмах и т. д.

В Институте экономики УрО РАН, обратившись к данной проблематике с опорой на исторические источники, пришли к выводу, что оптимальным представляется выделение четырех (по аналогии как с природными, так и с экономическими циклами) этапов процесса институционализации, включая:

I этап – хабитуализации, то есть опривычивания часто повторяемых действий, регулярно принимаемых решений и т. д.

II этап – типизации, то есть превращение опривыченных действий в типичные для широкого круга участников социально-экономических отношений.

III этап – объективации, то есть отделения складывающейся нормы от персональных особенностей ее первоисточника.

IV этап – легитимации, то есть официального правового закрепления.

Обращение к многочисленным памятникам как экономической, так и правовой мысли свидетельствует, что на практике по ходу хабитуализации и типизации возникают обычаи делового оборота, которые на этапе объективации получают не просто общественное признание, но и закрепление в различного рода кодексах деловой и профессиональной этики, а также в законотворческих инициативах. Логическим финалом такого рода инициатив становится утверждение сложившегося института на нормативно-правовом уровне.

Несоблюдение рассмотренной последовательности на начальной стадии рыночных преобразований в 1990-е гг. привело к возникновению многочисленных «институциональных ловушек». Данную категорию ввел в научный оборот академик В. М. Полтерович [Полтерович, 1999; 2001 и др.] из ЦЭМИ РАН, трактуя ловушки как внешне соответствующие предназначению, но фактически неэффективные институты.

Таким образом, весьма неоднозначные результаты современной экономической реформы в России можно объяснить не только и не столько причинами внешних и внутренних сил, но и посредством демонстрации последствий игнорирования научных оценок явлений и процессов, составляющих содержание проводимых преобразований. При обосновании же этих оценок весьма полезным бывает обращение к историческим материалам. Тем самым история может взаимодействовать с экономической политикой даже столь нетривиальным образом.

Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Берсенёв В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений. Свердловск: УрО РАН, 1994.

Берсенёв В. Л. Теоретические основы современной экономической реформы в России: миф о монетаризме // Труды VIII Всерос. симпозиума по экон. теории. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 12–13.

Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопр. экономики. 1993. № 4. С.19–26.

Князев А. Процесс, понятие и этапы институционализации. Институционализация в России. Институционализация – это... // FB.ru. URL: <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institutsionalizatsii-institutsionalizatsiya-v-rossii-institutsionalizatsiya---eto> [дата обращения: 16.08.2022].

Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.

Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации : аналитич. докл. Ин-та экономики РАН) // Вопр. экономики. 1994. № 2. С. 126–160.

Татаркин А. И., Берсенёв В. Л. Теория и практика реформирования отечественной экономики во второй половине XX в. // Социальные трансформации в российской истории : доклады междунар. науч. конф., 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург – Москва: Академкнига, 2004. С. 379–393.

Keynes J. N. The Scope and Method of Political Economy. Kitchener: Batoche Books, 1999.